

Быть сумасшедшим — в этом есть услада,
Что ведома одним лишь сумасшедшим.

Джон Драйден. Испанский монах. II, 2

МИГРАЦИЯ

Колючий ветер задул июль, как жалкую свечу, и пригнал свинцовое августовское небо. Зарядила игольчатая жалящая морось, которая при порывах ветра гуляла туда-сюда матово-серой простыней. На побережье Борнмута пляжные кабинки обращали свои бесстрастные деревянные лица к серо-зеленому, пенно-гребешковому морю, жадно накапывавшему на бетонный мол. Чайки обрушились на город и на своих напрягшихся крыльях носились над крышами домов с жалобными стонами. Эта погодка станет испытанием для кого угодно.

В подобный день моя семья в целом производила не слишком благоприятное впечатление, поскольку такая погода приносила с собой обычный набор болезней, которым все мы были подвержены. После того как я, лежа на полу, наклеивал метки на коллекцию ракушек, я подхватил простуду, мгновенно забившую, словно цементом, всю носовую полость, так что приходилось с хрипом дышать открытым ртом. Мой брат Лесли, съжившийся жалкой тенью у горящего камина, страдал воспалением среднего уха, и из ушей у него постоянно сочилась какая-то жидкость. У моей сестры Марго повысыпали новые прыщи на лице, которое и без того напоминало красную вуалетку. У матери разыгрался сильный насморк и приступ ревматизма в придачу.

Моя семья и другие звери

И только мой старший брат Ларри был как огурчик, если не считать того, что его раздражали наши недомогания.

С него-то все и началось. Остальные были слишком вялые, чтобы размышлять еще о чем-то, кроме своих болезней; Ларри же был задуман самим Провидением как такой мини-фейерверк, взрывающийся идеями в чужих головах, после чего он по-кошачьи тихо сворачивался и не брал на себя никакой ответственности за последствия. К вечеру его раздражительность достигла пика. В какой-то момент, задумчиво обведя взглядом комнату, он избрал мать как главную виновницу всех несчастий.

— Почему мы терпим этот мерзкий климат? — неожиданно спросил он и показал на окно, искривленное потоками дождя. — Только посмотри! А еще лучше, посмотри на нас... Марго похожа на тарелку с багровой овсянкой... Лесли слоняется с торчащими из ушей ватными тампонами, как две антенны... Джерри дышит так, словно родился с волчьей пастью... А ты? С каждым днем выглядишь все дряхлее и подавленнее.

Мать оторвалась от фолианта, озаглавленного «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Ничего подобного! — возмутилась она.

— Да, — настаивал на своем Ларри. — Ты начинаешь походить на ирландскую прачку... а твои домочадцы могли бы послужить иллюстрациями для медицинской энциклопедии.

Не придумав хлесткого ответа, мама довольствовалась свирепым взглядом, прежде чем снова уткнуться в книгу.

— Нам нужно солнце, — продолжал Ларри. — Лес, ты со мной согласен? Лес?.. Лес... Лес!

Лесли вытащил из уха здоровый пучок ваты.

— Что ты сказал? — спросил он.

Часть первая

— Ты видишь! — Ларри победоносно развернулся к матери. — Разговор с ним превратился в стратегическую операцию. Я спрашиваю тебя, как с этим можно жить? Один не слышит, что ему говорят, а слова другого невозможно разобрать. Пора уже что-то сделать. Я не могу сочинять бессмертную прозу в атмосфере мрака и эвкалипта.

— Да, дорогой, — отозвалась мать туманно.

— Нам всем требуется солнце. — Ларри снова решительно зашагал по комнате. — Нам нужна страна, где мы можем *расти*.

— Да, дорогой, это было бы хорошо, — согласилась мать, слушая его вполуха.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он очень хвалит Корфу. Почему бы нам не упаковать чемоданы и не отправиться в Грецию?

— Очень хорошо, дорогой. Если тебе так хочется, — опрометчиво сказала мать. Обычно с Ларри она держалась начеку, чтобы ее потом не поймали на слове.

— Когда? — тут же уточнил он, несколько удивленный такой отзывчивостью.

Поняв, что совершила тактическую ошибку, мать аккуратно положила «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Мне кажется, было бы разумно, дорогой, если бы ты поехал сам и подготовил почву, — нашла она с ответом. — Потом ты мне напишешь, что все устроено, и тогда уже мы все сможем приехать.

Ларри смерил ее уничтожающим взглядом.

— То же самое ты говорила, когда я предложил поехать в Испанию, — напомнил он ей. — А в результате я просидел два нескончаемых месяца в Севилье в ожидании вашего приезда, а ты только и делала, что писала мне пространные письма с вопро-

Моя семья и другие звери

сами о водостоке и питьевой воде, как будто я какой-нибудь городской служащий. Нет уж, если мы соберемся в Грецию, то все вместе.

— Ларри, ты преувеличиваешь, — в голосе матери зазвучали жалобные нотки. — И вообще, не могу же я вот так взять и поехать. Я должна сначала обустроить дом.

— Обустроить? Господи, ты о чем? Продай его.

— Что ты, я не могу. — Она была в шоке от его предложения.

— Это почему же?

— Я ведь его только купила.

— Вот и продай, пока он еще в нормальном состоянии.

— Дорогой, не говори глупости, — произнесла она твердо. — Исключено. Это было бы безумием.

Короче, мы продали дом и умчались подальше от тоскливого английского лета, как стая перелетных ласточек.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Когда мы на таможне открыли наши чемоданы для осмотра, их содержимое четко отражало характер и интересы каждого. Так, багаж Марго состоял из просвечивающих одеяний, трех книжек о похудании и целой батареи флакончиков с разными эликсирами для выведения прыщиков. Лесли уложил парочку глухих свитеров и брюки, в которые были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка «Сам себе оружейный мастер» и подтекающая бутылка смазочного масла. Ларри взял с собой два чемодана книг и кожаный чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между носильными вещами и томами, посвященными готовке и садоводству. Я прихватил только то, что должно было мне скрасить уто-

Часть первая

мительное путешествие: четыре пособия по естествознанию, сачок для бабочек, собаку и банку изпод варенья с гусеницами, грозящими вот-вот превратиться в куколок. Вот так, во всеоружии, мы покинули промозглые берега Англии.

Дождливая и печальная Франция, похожая на рождественскую открытку Швейцария, обильная, шумная и благоухающая Италия промелькнули в окне, оставив смутные воспоминания. Небольшой кораблик отчалил от итальянского каблучка в предзакатное море, и, пока мы спали в душных кабинах, в какой-то момент своего движения по лунной морской дорожке он пересек невидимую разделительную черту и вошел в яркий зазеркальный мир Греции. Видимо, эта перемена постепенно проникла в нашу кровь, потому что мы все проснулись с первыми лучами солнца и высыпали на верхнюю палубу.

Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, отметилось желтым пятном. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной оборкой. Это был Корфу, и мы напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь остров с горами, словно спящими под сморщенными коричневыми одеялами, а в складках прятались зеленые оливковые

Моя семья и другие звери

рощицы. Вдоль изгибистой береговой линии тянулись пляжи, белоснежные, как бивни слона, с рассыпанными здесь и там вкраплениями золотистых, рыжеватых и белых скал. Мы обогнули северный мыс, являвший собой гладкое ржаво-красное плечо с вырезанными в нем огромными пещерами. Темные волны, поднимая пенный кильватер, понемногу относили его в сторону пещер, и уже там, перед отверстыми зевами, он с жадным шипением распался среди скал. А потом горы постепенно сошли на нет, и взгляду предстало серебристо-зеленое переливающееся море олив и отдельно торчащие черные кипарисы, этакие назидательные указательные пальцы на голубом фоне. Вода в бухтах, на мелководе, была лазоревого цвета, и даже сквозь шум двигателей можно было слышать доносящийся с берега пронзительно-победный хор цикад.

НЕВЕДОМЫЙ ОСТРОВ

Из шумной суетливой таможни мы выбрались на залитую солнцем набережную. Вокруг раскинулся город, уходящий уступами вверх, с хаотично разбросанными пестрыми домами, чьи распахнутые зеленые ставни напоминали крылья ночных бабочек — такой несметный рой. За нами лежал залив, гладкий как тарелка, отливающая нереально огненной синевою.

Ларри быстро шагал с гордо поднятой головой и такой королевской надменностью на лице, что никто не обращал внимания на его росточек, он же бдитительно приглядывал за носильщиками, тащившими его чемоданы. За ним поспешал низкорослый крепыш Лесли с затаенной воинственностью в глазах, а дальше трусила Марго со своими ярдами муслина и батареей склянок с примочками. Мать, такая тихая, забитая миссионерка среди бунтовщиков, против воли дотащилась на поводке у буйного Роджера до ближайшего фонарного столба, где и стояла в прострации, пока он освобождался от избытка чувств, накопившихся за время пребывания в собачьей конуре. Ларри выбрал два изумительно ветхих конских экипажа. В один загрузили весь багаж, а во второй уселся он и недовольно оглядел нашу компанию.

— Ну? — спросил он. — И чего мы ждем?

Моя семья и другие звери

— Мы ждем нашу мать, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарный столб.

— О господи! — Ларри принял образцовую осанку и закричал: — Мама, давай уже! Неужели собака не может подождать?

— Иду, дорогой, — отозвалась мать как-то покорно и неискренне, поскольку Роджер не изъявлял никакого желания расстаться с фонарным столбом.

— От этого пса всю дорогу одни хлопоты, — сказал Ларри.

— Не будь таким нетерпеливым, — возмутилась Марго. — Это его природа... К тому же в Неаполе мы прождали *тебя* целый час.

— У меня было расстройство желудка, — холодно заметил ей Ларри.

— У него тоже может быть расстройство желудка, — торжествующе объявила Марго. — Все одним миром мазаны.

— Ты хочешь сказать, что мы одного поля ягоды.

— Не важно, что я хотела сказать. Вы друг друга стоите.

В этот момент подошла мать, несколько растрепанная, и перед нами встала задача, как поместить Роджера в экипаж. Впервые столкнувшись с таким передвижным средством, он к нему отнесся с подозрением. В конце концов нам пришлось вручную, под отчаянный лай, запихнуть его внутрь, потом, отдуваясь, забраться самим и крепко его держать. Лошадь, напуганная всей этой возней, пустилась рысью, и в какой-то момент мы все устроили на полу кучу-малу, под которой громко постанывал Роджер.

— Хорошенькое начало, — горько посетовал Ларри. — Я рассчитывал, что мы въедем, как ко-

Часть первая

роль со свитой, и что получилось... Мы появляемся в городе, как труппа средневековых акробатов.

— Дорогой, не продолжай, — сказала мать успокоительным тоном и поправила на голове шляпу. — Скоро мы будем в гостинице.

Под стук копыт и звон колокольчиков наш экипаж въезжал в город, пока мы на сиденьях из конского волоса пытались изобразить из себя королевских особ, как того требовал Ларри. Роджер, накрепко прихваченный Лесли, высовывал голову наружу и вращал глазами так, словно был на последнем издыхании. Колеса прогремели по узкой улочке, где на солнце грелись четыре нечесанные дворняги. Роджер весь поджался, смерил их взглядом и разразился утробной тирадой. Дворняги тотчас оживились и с громким лаем припустили за экипажем. О королевской осанке можно было забыть, так как теперь уже двое удерживали буйного Роджера, а остальные, высунувшись из коляски, всю размахивали журналами и книжками, пытаясь прогнать увязавшуюся за нами свору. Но это их лишь еще больше распаяло, и с каждым поворотом их число только увеличивалось, так что, когда мы выехали на главную улицу, вокруг колес увивалось два с половиной десятка собак, впавших в форменную истерику.

— Кто-нибудь может сделать хоть что-то? — Ларри возвысил голос, чтобы перекрыть этот бедлам. — Это уже похоже на сцену из «Хижины дяди Тома».

— Вот бы сам и сделал, чем других критиковать, — огрызнулся Лесли, воевавший с Роджером.

Тут Ларри вскочил на ноги, вырвал кнут у остолбеневшего возницы и маханул в сторону своры, но промахнулся, да еще задел Лесли по загривку. Тот побагровел и окрысился на брата:

Моя семья и другие звери

— Совсем, что ли?..

— Случайно, — беззаботно ответил Ларри. — Потерял практику. Давно не держал в руках кнут.

— Ну так, черт возьми, смотри внимательнее. — Лесли был настроен воинственно.

— Дорогой, успокойся, он ведь не нарочно, — вмешалась мать.

Ларри снова взмахнул кнутом и на этот раз сбил ее шляпу.

— От тебя больше неприятностей, чем от собак, — подала голос Марго.

— Поосторожнее, дорогой, — сказала мать, подхватывая шляпу. — Ты можешь кого-нибудь ранить. Ну его, этот кнут.

Но тут экипаж остановился перед входом с надписью «Швейцарский пансион». Дворняги, учуяв, что сейчас они наконец-то посчитаются с этим женоподобным черным песиком, разъезжающим в карете, обступили нас плотным, учащенно дышащим клином. Дверь гостиницы открылась, оттуда вышел старый портье с бакенбардами и бесстрашно уставился на этот уличный бардак. Усмирить и перенести тяжелого Роджера в гостиницу было непростой задачей, и потребовались совместные усилия всей семьи, чтобы с ней справиться. Ларри уже забыл о королевской осанке и даже вошел во вкус. Соскочив на мостовую, он устроил небольшой танец с кнутом, расчищая дорогу от собак, по которой Лесли, Марго, мать и я пронесли вырывающегося ощеренного Роджера. Когда мы ввалились в холл, портье захлопнул за нами дверь и привалился к ней спиной, шевеля усами. Подошедший управляющий разглядывал нас настороженно и одновременно с любопытством. Мать стояла перед ним в съехавшей набок шляпе и с моей банкой с гусеницами в руке.

Часть первая

— Ну вот! — Она довольно улыбнулась, как если бы это был самый обычный визит. — Мы — Дарреллы. Для нас забронированы комнаты, если не ошибаюсь?

— Да, мадам. — Управляющий держался подалеже от все еще рычащего Роджера. — На втором этаже... четыре комнаты и балкон.

— Очень мило, — просияла мать. — Тогда, пожалуйста, мы пойдем к себе и немного отдохнем перед ланчем.

С поистине королевской грацией она повела все семейство наверх.

Позже мы спустились в просторную мрачно-ватую столовую с пыльными пальмами в кадках и скособоченными статуэтками. Обслуживал нас все тот же портье с бакенбардами, которому, чтобы превратиться в главного официанта, достаточно было надеть фрак и накрахмаленную манишку, поскрипывавшую, как армия сверчков. Еда была обильная и вкусная, и мы на нее набросились с голодухи. Когда подали кофе, Ларри со вздохом откинулся на спинку стула.

— Кормят сносно, — великодушно похвалил он. — Как тебе, мать, это место?

— Еда, во всяком случае, приличная. — Мать отказалась развивать эту тему.

— Обслуга вроде ничего, — продолжил Ларри. — Управляющий лично передвинул мою кровать поближе к окну.

— Лично я, когда попросил бумаги, помощи от него не дождался, — заметил Лесли.

— Бумаги? — удивилась мать. — Зачем тебе бумага?

— В туалет... она закончилась.

— Ш-ш-ш! — Мать понизила голос. — Пожалуйста, не за столом.

Моя семья и другие звери

— Ты не обратил внимания. Рядом с унитазом там стоит полная коробочка, — объявила Марго во всеуслышание.

— Марго! — в ужасе воскликнула мать.

— А что такого? Разве ты ее не видела?

Ларри громко хмыкнул.

— Из-за некоторых проблем с городской канализацией, — пояснил он специально для сестры, — эта коробочка предназначена для... э-э... отходов, после того как ты разобралась с естественной нуждой.

Лицо у Марго сделалось пунцовым и выражало одновременно замешательство и отвращение.

— Так это... это... о боже! Я наверняка подхватила какую-нибудь заразу! — взвыла она и в слезах выбежала из столовой.

— Какая антисанитария, — посуровела мать. — Просто мерзко. Ошибиться может каждый, но действительно, так ведь и тифом недолго заразиться.

— Организуй они всё, как надо, не было бы никаких ошибок, — вернулся Лесли к ранее высказанной претензии.

— Пусть так, дорогой, но я не считаю, что это надо обсуждать сейчас. Не лучше ли как можно скорее подыскать отдельный дом, пока мы все не заразились.

В своей комнате полураздетая Марго бутылками выливала на себя дезинфицирующую жидкость, а мать битых полдня периодически проверяла, не проявились ли уже симптомы развивавшихся в ней болезней, в чем Марго даже не сомневалась. Мамино душевное равновесие поколебало то, что дорога, проходившая мимо «Швейцарского пансиона», как выяснилось, вела на местное кладбище. Пока мы сидели на балкончике, мимо нас проходила не-

Часть первая

скончаемая траурная процессия. Жители Корфу, очевидно, считали, что в оплакивании усопшего самый яркий момент — это похороны, и потому каждая следующая процессия была пышнее предыдущей. В экипажи, декорированные ярдами алого и черного крепа, были впряжены лошади, несшие на себе столько плюмажей и попон, что удивительно, как они еще могли передвигаться. Шесть или семь экипажей везли скорбящих, не сдерживавших своей глубокой печали, а за ними, на своего рода катафалке, ехал покойник в таком большом и роскошном гробу, что он скорее напоминал огромный именинный торт. Были гробы белые с пурпурными, черно-алыми и темно-синими виньетки, были сверкающие черные с изощренной золотой или серебряной отделкой и блестящими медными ручками. Это затмевало все, что я когда-либо видел. Вот, решил я, как надо покидать сей мир: с расфуфыренной конницей, горами цветов и целой свитой пораженных неподдельной скорбью родственников. Перегнувшись через балконные перила, я как зачарованный провожал глазами уходящие гробы.

Проход очередной процессии под рыдания плакальщиц и постепенно затихающий цокот копыт лишь усиливали волнение нашей матери.

— Это эпидемия! — наконец воскликнула она, нервно поглядывая на улицу.

— Ерунда. Мать, не нагнетай, — беззаботно отмахнулся Ларри.

— Но, дорогой, их так *много*... это естественно.

— В смерти нет ничего естественного. Все люди умирают.

— Да, но если они мрут как мухи, значит что-то не так.

Моя семья и другие звери

— Может, их собирают в одном месте, чтобы всех заодно похоронить, — предположил Лесли довольно бесчувственно.

— Не говори глупости, — сказала мать. — Наверняка это как-то связано с канализацией. В подобных решениях есть что-то нездоровое.

— О боже! — похоронным голосом воскликнула Марго. — Значит, я это точно подхватила.

— Ну что ты, дорогая, совсем даже не обязательно, — несколько туманно изрекла мать. — Может, это не заразно.

— Какая же это эпидемия, если не заразно, — логично заметил Ларри.

— Короче, — мать отказывалась втягиваться в медицинскую дискуссию, — мы должны все выяснить. Ларри, ты можешь позвонить в службу здравоохранения?

— Вряд ли здесь есть такая служба, — заметил Ларри. — А если даже есть, я сомневаюсь, что они мне скажут правду.

— Не важно, — решительно заявила мать. — Тогда мы отсюда съезжаем. Мы должны найти дом в пригороде, и безотлагательно.

Прямо с утра мы начали поиски жилья в сопровождении отельного гида мистера Билера, толстого человечка с подобострастными глазами и гладкими от пота скулами. Он вышел из гостиницы в довольно веселом расположении духа, явно не догадываясь о том, что его ждет. Тот, кто не занимался вместе с моей матерью поисками жилья, не может себе представить всей картины. Мы мотались по острову в облаке пыли, и мистер Билер показывал нам одну виллу за другой, во всем разнообразии размеров, расцветок и условий, а мать в ответ решительно мотала головой. Когда ей была показана десятая и последняя вилла в его списке

ОГЛАВЛЕНИЕ

Речь защитника	9
----------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Миграция	15
1. Неведомый остров	21
2. Клубнично-розовая вилла	34
3. Тип с розовыми жуками	47
4. Бушель знаний	64
5. Паучий рай	77
6. Славная весна	93
Семейный разговор	108

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7. Вилла желтая, как нарцисс	115
8. Черепашьи холмы	131
9. Целый мир в стене	149
10. Парад светлячков	166
11. Зачарованный архипелаг	184
12. Зима бекасов	202
Семейное обсуждение	224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

13. Белоснежная вилла	233
14. Говорящие цветы	249

Оглавление

15. Цикламеновый лес	265
16. Озеро с лилиями	284
17. Шахматные поля	303
18. Забавы со зверушками	322
Возвращение	344